

Н. Н. Шпанов

В новогоднюю ночь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н. Н. Шпанов**
В новогоднюю ночь / Н. Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
67 с.

ISBN 978-5-458-04130-0

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г. Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04130-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Николаевич
Шпанов
В новогоднюю ночь

Ночь под новый год

Нил Платонович Кручинин и Грачик (он же Сурен Тигранович Грачмян) приехали в этот город, освобождённый Советской Армией от гитлеровских захватчиков, через несколько месяцев по ликвидации в нём последних очагов сопротивления. То был один из промышленных центров страны, служивший оккупантам базой снабжения нацистской армии.

В прежние времена эта страна была одной из основных частей двуединой монархии. Его апостолическое величество включал название гордой маленькой страны в свой пышный титул, а феодалы — потомки древних пришельцев-завоевателей, — пополняя ряды свиты «короля-императора», охотно смешивались в ней с такими же, как они, потомственными рабовладельцами германского происхождения. Эта титулованная двуединая шайка беспощадно эксплуатировала все другие национальности дряхлой монархии и, не щадя крови, подавляла их попытки сбросить иго ненавистного режима. Но ни тот народ, от имени которого правили германские эрцгерцоги, ни тот, чьё имя носили их светлейшие союзники с Великой венгерской равнины, не нёс и не несёт ответственности за разбойников. Хотя и существует поговорка, гласящая будто каждый народ имеет правительство, какого достоин, но, право, этот трудолюбивый и даровитый народ был достоин лучшего режима, чем фашистский адмирала-диктатора, продававшего Гитлеру достояние и кровь своего народа.

Кручинин и Грачик приехали, преследуя цель, не имеющую ничего общего с событиями, описываемыми в этой истории. Но достаточно было их паспортам попасть для отметки к портье отеля, чтобы на следующий же день у них появился с визитом шеф местной народной полиции — в недавнем прошлом функционер социал-демократической партии и редактор се газеты в этом городе. По-видимому, как один из руководителей новой демократической администрации, он считал долгом лично приветствовать представителей великого народа-освободителя. А труды Кручинина по вопросам криминалистики создали последнему такую популярность не только на родине, а и за рубежом, что было бы бесполезно соблюдать инкогнито, даже если бы нынешний шеф полиции и не был газетчиком.

Шеф полиции, немолодой уже толстяк, попал в руководители полиции прямо из редакторского кресла газеты. Он уверял, что ап-

парат полиции почти полностью обновлён и демократизирован, что из полиции — во всяком случае из её верхушки — безусловно вычищены все фашистские элементы и что жизнь в городе течёт теперь спокойно.

Шеф непринуждённо болтал, невидимому, не стесняясь своего дурного произношения немецкой речи.

— Как ни велико наше желание увидеть советских коллег в деле, чтобы поучиться у них, желанию этому сбыться не суждено, — с улыбкой заявил он. — Я убеждён, дорогой коллега Кручинин, что ваше пребывание у нас не будет омрачено ничем. Никакою материала для хроники происшествий. Хо-хо, я даже собираюсь уволить репортёров отдела происшествий!

— Как вы сказали? — заинтересовался Кручинин. — Репортёры?

— Хо-хо! В голове у меня пока ещё не разложились по разным полкам сыщики и репортёры, полицейские офицеры и редакторы. До сих пор не могу понять, где кончается редакция и начинается полицейское управление. Хо-хо!

Кручинин слушал прищурившись и молча кивал головой.

Грачик видел, что его другу делается не по себе от этих разговоров розового шефа. Но все же Кручинин слушал молча, считая, по видимому, неудобным спорить на такую деликатную тему, да и стоило ли разрушать оптимизм здешних людей в радостный период весны их нового государственного строительства.

Это свидание произошло двадцать девятого декабря. Через два дня, то есть тридцать первого декабря, шеф полиции прислал гостям официальное поздравление с наступающим Новым годом и ещё по телефону пожелал им приятно встретить знаменательную дату — первое января первого действительно свободного и спокойного года в жизни этого свободолюбивого народа. В заключение шеф напомнил о высоких качествах вин, выделяемых в его стране, и порекомендовал хороший ресторан. Друзья приняли рекомендацию к сведению, но никуда не пошли.

Кручинин с удовольствием слушал лившиеся из маленького репродуктора мелодии национальных песен и танцев, послуживших когда-то неисчерпаемым источником для бессмертных творений Ференца Листа. Он с досадой прикрикнул на Грачика, пробовавшего на пианино подобрать эти мелодии. Хотя молодой пианист делал это, включив модератор, но не слишком хорошо настроенное пианино раздражало Кручинина. Хотя он сам и не умел взять ни одной ноты, но искренно любил музыку и разбирался в ней. К тому же он считал, что в каждой стране следует слушать то, что создано в ней

её народом, её талантами. А этой стране было что предъявить.

— Как приятно было бы, если бы ты, дружище, отложил свои экзерсисы до другого раза, — иронически сказал Кручинин. — Ведь не каждый день бывает канун Нового года. Зачем портить его людям, которые не сделали тебе ничего дурного... Небось, к полуночи радио перейдёт на фокстроты — тогда ты покажешь мне своё искусство... Ладно?

Грачик со смехом захлопнул пианино.

Бутылка скверного трофейного шампанского в ведёрке со льдом стояла у них в комнате. Они предвкушали встречу Нового года в кругу, теснее и дружественнее которого трудно себе что-нибудь представить, — вдвоём. Без четверти двенадцать, едва успел выйти из номера официант, подавший фрукты, раздался телефонный звонок. Грачик был совершенно уверен, что это снова тот же гостеприимный начальник полиции с новыми, успевшими немного надоесть поздравлениями. И действительно, сняв трубку, Грачик услышал его голос:

— Дорогой коллега, прошу вас узнать, будет ли господин Кручинин иметь что-нибудь против того, чтобы я за вами сейчас заехал?

Грачик искоса глянул на часы. Стрелки показывали без десяти двенадцать.

— Благодарю вас, — сказал он в трубку, — но мы отлично встретим Новый год и дома Совершенно отлично! Потом скажите нам, пожалуйста: куда вы успеете нас свезти к двенадцати часам? Никуда. А по нашему обычаю пьют за Новый год, когда бьют часы. Именно когда бьют часы!..

Толстяк не дал ему договорить:

— Да, да, таков и наш обычай, выпивать первый бокал под двенадцать ударов часов, завершающих старый год. Но вы неверно меня поняли. Случилось многозначительное происшествие... на добрый подвал, а то и на целую серию подвалов... Мы так надеемся, что советские друзья не откажут нам в помощи.

По словам шефа, он был в нескольких шагах от отеля и ждал только разрешения заехать, чтобы объяснить все и мчаться на место «многозначительного» происшествия.

Грачик видел, что Кручинину в данный момент больше всего хотелось откупорить шампанское и, уютно устроившись перед пылающим камином, произнести тост. Но в такой же мере Грачик был уверен и в том, что если он сейчас откажет полицейскому, Кручинин будет обвинять его во всех смертных грехах, первым из которых будет нерадение к делу, порождаемое «армянской склонностью к

нею». Поэтому, прежде чем Кручинин успел его спросить, в чём дело, Грачик бросил в телефонную трубку:

— Заезжайте, пожалуйста, заезжайте. Мы уже спускаемся.

Услышав это, Кручинин обернулся.

— Если тебе хочется куда-нибудь ехать, поезжай один. Я ни за что не сниму этих туфель, — и он пошевелил протянутыми к огню ногами в тёплых ночных туфлях.

— Сидите, пожалуйста, друг мой джан, — сказал Грачик насколько мог невозмутимо, — я могу поехать один. Пожалуйста.

Он не решился сказать то, что думал: как отлично было бы, если бы Кручинин остался, дома. Грачик поехал бы на операцию один. Он своими силами показал бы здешним людям, чего стоит советская школа расследования! Однако мысль эта была мимолётной. Грачик тут же устыдился её. Он так уважал и любил своего спутника, что готов был бы уступить ему и всю собственную славу, если бы она у него была. Увы, её было у него ещё так мало, что едва ли она могла что-нибудь прибавить к популярности Кручинина.

Грачик стал проверять фотоаппарат, который всегда был при нем.

— Собираешься запечатлеть интересную новогоднюю компанию? — насмешливо спросил Кручинин, разрезая кожуру апельсина и загибая её на манер лепестков цветка.

— Меня больше занимает происшествие, о котором только что сообщил шеф полиции, — ответил Грачик.

— Происшествие? — Брови Кручинина поднялись, и он рассмеялся: — Предвкушаешь таинственное убийство на новогоднем балу?

— Не знаю, где и что произошло, но что-то случилось. По словам шефа полиции, «многозначительное» происшествие. Понимаете, — многозначительное.

— Так почему же ты не передал мне трубку? — перебил его Кручинин и поднялся с кресла.

— Потому, что нам некогда. Его машина уже тут, у подъезда. — И Грачик с улыбкой добавил: — И мы, кажется, уже спускаемся...

Больше Кручинин не задал ни одного вопроса. Недочищенный апельсин полетел обратно в вазу. Через минуту они оба стояли у подъезда в пальто и шляпах.

Однако, прежде чем продолжать повествование, необходимо, по-видимому, ближе познакомиться читателя с тем, кто такие Кручинин и Грачик, рассказать, как сошлись пути их жизни и дружбы, приведшие их в этот чужой город. А ещё раньше нужно сказать, что Грачик — это вовсе не фамилия Сурена Тиграновича. В паспорте у него совершенно ясно написано «Грачян». Это и правильно. Но в те

времена, когда С.Т.Грачян бегал ещё в коротких штанишках, он однажды принёс домой подбитого кем-то птенца-граченка, вылечил его и вырастил. Юный птицелов был так же чёрен, вертляв и так же доверчиво глядел на людей, как и его питомец. Вероятно, поэтому к нему так легко и пристало брошенное как-то матерью ласковое «Грачик». В семье его стали так называть. Сначала в шутку, потом привыкли. Прозвище осталось за ним в школе, и в жизнь он ушёл для всех уже Грачиком. Он и знакомясь-то, представлялся; «Грачик». Не такая уж беда, если некоторым бюстителям официальностей это покажется нарушением этикета.

Знакомство Кручинина и Грачика произошло в одном из санаториев, примечательном только тем, что он расположен в весьма живописной местности, на берегу широкой, вольной реки. Сурен Тигранович Грачик увидел Нила Платоновича Кручинина посреди лужка — там, куда не доставали длинные тени берёзок. Кручинин, прищурясь, глядел на расставленный перед ним походный мольберт. Время от времени он делал несколько мазков, отходил, склонив голову, и, прицелившись, снова делал быстрый мазок, словно наносил полотну укол. И опять отходил и глядел, склонив голову набок.

Грачика не только заинтересовал, — ему просто понравился этот скромный, немногословный человек, одинаково благожелателен но без малейшего оттенка навязчивости, относившийся ко всем окружающим. Старые и молодые люди, стоявшие на самых высоких и на низких ступенях служебной лестницы, — все встречали в нём одинаково внимательного слушателя. Но никто не мог похвастаться тем что слышал от него больше десяти слов. Ни его костюм, ни повадка, ни разговоры не позволяли определить его профессию или общественное положение. Черты его лица могли одинаково подойти врачу, главному бухгалтеру или представителю любой профессии и любого вида искусства, кроме разве актёра. Лицо его обрамляла мягкая круглая бородка, и аккуратно подстриженные усы украшали верхнюю губу. Усы были светлые и потому тронувшая их седина была так же едва заметна как в бороде. Взгляд его голубых глаз оставался всегда одинаково спокойным, не выдавая его настроений. Ко всему тому, как говорится, — никаких «особых примет»: рост средний, упитанность средняя, ничего бросающегося в глаза. Впрочем нег, — была в нём особенность. Мимо неё не мог пройти внимательный наблюдатель: его руки. Сильные, но с узкой гладкой кистью, с длинными тонкими пальцами. Его руки были, пожалуй, самым красивым образцом этой части тела, какие когда-либо доводилось видеть Грачику. Вероятно, именно такими руками должен

был обладать тонкий ваятель или вдохновенный музыкант. Микель-анджело или Шопен — вот кому были бы к лицу подобные руки. Или нет, такие чуткие, длинные, словно живущие самостоятельной одухотворённой жизнью пальцы должны были, наверно, наносить на нотные строки нервные мелодии Скрябина.

Грачик довольно долго наблюдал за работой Кручинина у мольберта, прежде чем решился подойти к нему. Он видел, что его приближение не осталось незамеченным. Но когда Грачик ещё не знал, что нескольких мгновений, необходимых ему для преодоления разделяющего их зелёного пространства лужайки, Кручинину достаточно, чтобы окончательно изучить его внешность, перед тем, как дружески протянуть молодому человеку руку или встретить его безразличным замечанием.

Как уже сказано, Кручинин не принадлежал числу тех, кто встречает людей по наружности. Тем не менее изучение внешности всегда имело существенное влияние на его отношение к собеседнику.

Тут нужно особенно подчеркнуть то, что короткий, но внимательный осмотр приближающегося к нему молодого человека не был для Кручинина первым. Потом Грачик узнал, что с самого момента своего появления в санатории он стал предметом изучения Кручинина. Нил Платонович был большим человеколюбом. Появление на его горизонте всякой новой фигуры интересовало его. Новому человеку нужно было оказаться полным нулём, чтобы Кручинин остался к нему равнодушным.

Итак, Грачик, как сказано, не мог и знать, что Кручинин уже давно составил себе о нем представление, как почти всегда, довольно верное.

Не нужно было заглядывать в анкету Грачика, чтобы с уверенностью определить его армянскую национальность. В меру крупный, тонких линий нос с большими нервными крыльями, мягко очерченные губы сочного рта, не выдающего сильного характера, очень большие, темно-карие глаза под бровями, которые художник, вероятно, признал бы слишком пушистыми, слишком подчеркнуто чёрными и чересчур близко сошедшимися над переносицей. Ко всему этому — нежный загар, разлитый по гладкому, девичьей нежности лицу. Все это были детали, удачным сочетанием которых природа создала приятное, отмеченное нервной живостью и темпераментом лицо. К этому можно было добавить маленькие, без излишнего кокетства, но аккуратно подбритые усики, едва заметную синеву на подбородке и волну иссиня-чёрных волос, лежащих

непослушными прядями, несмотря на очевидные старания уложить их при помощи воды и бриолина. Руки — часть тела, на которую Кручинин всегда обращал особенное внимание, — подчёркивали впечатление нервности, производимое наружностью Грачика.

Однако Кручинин уже после двух—трех дней наблюдения за этим понравившимся ему с первого взгляда молодым человеком определил, что нервность и темпераментность, которыми дышала наружность Грачика, находились под достаточно крепким замком твёрдой воли и хорошего воспитания.

Когда Грачик приблизился, Кручинин встретил его прямым взглядом весело искрящихся глаз. Вместо приветствия он добродушно спросил:

— Что скажете? — и указал кистью на мольберт.

Грачик зашёл ему за спину и взглянул на холст, ожидая увидеть берёзки, перед которыми стоял мольберт. Но, к его удивлению, там было изображено нечто совсем иное: церковь заброшенный погост.

Вокруг сияла радость ясного солнечного утра, а этюд был освещён розовато-сиреневой грустью заката.

— Разве не удобнее писать с натуры? — удивлённо спросил Сурен.

— Прежде я так и делал, — сказал Кручинин, — когда зарабатывал этим хлеб.

— А теперь?

— Теперь это — тренировка глаз. Вот, скажите: верно схвачено вечернее освещение? Я был там только раз и всего минут десять. Нарочно не хожу больше, пока не закончу. Как с освещением, а? В остальном-то я уверен.

— В чем вы уверены? — не понял Грачик.

— В деталях: церковь и... вообще все это, — он указал на изображение погоста.

Место, воспроизведённое Кручининым, было хорошо знакомо Грачику. Он любил бывать там и именно вечерами. Он был уверен, что хорошо представляет себе и старенькую церковь и окружающий её характерный пейзаж.

Грачику показалось, что, несмотря на свою уверенность, Кручинин передал пейзаж неверно. Он выписал целый ряд деталей, которых там в действительности не было. Вот, например, эти кресты: не может быть, чтобы они стояли так — вразброд, в «фантастическом» беспорядке, будто нарочно выдуманном художником. И вон той покосившейся живописной скамеечки слева вовсе нет на погосте. Не видел там Грачик и остатков ветхой изгороди в углу погоста.

— Вы подрисовали тут кое-что от себя, — сказал он и указал на занимающую передний план гранитную плиту заброшенной могилы. — А вот уже и настоящая ошибка, смотрите...

Ясно виднелись высеченные в граните цифры. Но вместо «1814» — даты, стоявшей на камне, — Кручинин почему-то изобразил «181Н». Четвёрка была старательно выписана задом наперёд.

— Ну вот и это тоже художественная деталь, выдуманная вами для оригинальности. — не без удовольствия подтрунил Грачик.

— Ради оригинальности? — повторил Кручинин, и на мгновение брови его сошлись у переносицы.

— Во всяком случае от себя. — поправился Грачик, заметив, что его слова задела художника.

— От себя? — снова повторил Кручинин и, прищурившись, пригляделся к полотну. — Перед ученном мы с вами пройдемся, сличим этот набросок с натурой... хотите?

Когда они пришли на место, был тихий, спокойный вечер. При этом небо на западе выглядело именно таким, каким изобразил его Кручинин, и освещение погоста оказалось переданным очень верно. В первый момент Грачика даже ошеломило это поразительное сходство трудно передаваемых нежных полутонов. То, что виднелось на горизонте, казалось увеличенным до гигантских размеров кручининским полотном. Но каково же было удивление Грачика, когда он увидел, что кресты, представлявшие ему прежде стоящими ровными рядами, оказались наклонёнными в разные стороны, повёрнутыми под беспорядочными углами друг к другу. Бросилась в глаза и скамеечка, мимо которой Грачик проходил десятки раз, не заметив её. «Вероятно, я не заметил её потому, что она не возбуждает желания сесть из-за её ветхости», — подумал Грачик и подошёл к могильному камню. К его удивлению, выбитая рукою неискusstного сельского ваятеля дата выглядела, действительно, несколько необычно: «181Н» — очевидная ошибка неграмотного каменотёса.